

ФИЛОСОФСКО-
РЕЛИГИОЗНАЯ
ТЕТРАДЬ
№ 001

МАТЕРИАЛЫ ПЕРВОГО ЕВАНГЕЛЬСКОГО СОБОРА

предсоборные и постсоборные тезисы

УДК 277.4(082)
ББК 86.376
МЗ4

Философско-религиозные тетради. Тетрадь №1. Материалы Первого Евангельского Собора. — М. 2010, 60 с.
ISBN 978-5-905150-01-2

Данный сборник открывает серию религиозно-философских тетрадей, общий замысел которых определяется тем, что предлагает читателю изложение самостоятельной богословско-философской мысли, представленной в работах Московского богословского семинара, Евангельского Собора, религиозно-исторических ролевых игр. Серия тетрадей стремится совместить религиозно-философскую традицию с новейшей методологией общественнознания, выстраивает социальную философию недоктринального типа, сохраняющую, однако, внутреннее единство и упорядоченность. Тетради посвящены живой и самостоятельной мысли, создающей, расширяющей, углубляющей и усложняющей внутреннее, а затем и внешнее пространство сознания. Серия призвана воздействовать на сообщество, к которому, так или иначе, принадлежит, создавать собственные более тесные дискуссионные сообщества и группы единомышленников, продвигать к деятельности и развитию.

Первая тетрадь серии составлена по итогам Первого Евангельского собора (Наро-Фоминского), который состоялся в мае 2010 года в Наро-Фоминском районе Московской области. В сборник вошли Предсоборные тезисы, составленные Рабочей группой по подготовке Собора как результат исследования наиболее актуальных задач, стоящих на сегодняшний день перед Евангельским движением, а также Постсоборные тезисы, в которых отражены основные итоги соборной работы.

ISBN 978-5-905150-01-2

УДК 277.4(082)
ББК 86.376

Содержание

О Евангельском Соборе	6
-----------------------------	---

I. Актуальные задачи Евангельского движения.

Предсоборные тезисы

1. Углубление и расширение религиозной идентичности	9
2. Создание собственного дискурса	10
3. Изменение положения в обществе: инаковость вместо маргинальности	11
4. Определение приоритета в служении	12
5. Сетевая децентрализация	13
6. Организация ежегодного Евангельского Собора	14

II. Направления развития Евангельского движения.

Постсоборные тезисы

1. Евангельский дух как животворящая сила российской истории	16
2. Христианская повестка дня как условие рождения иной России	17
3. Евангельское движение как искомая форма существования христиан	18
4. Деятельностный подход как базовое условие существования Евангельского движения	19
5. Соборность как форма выражения принципа «единство в многообразии»	20

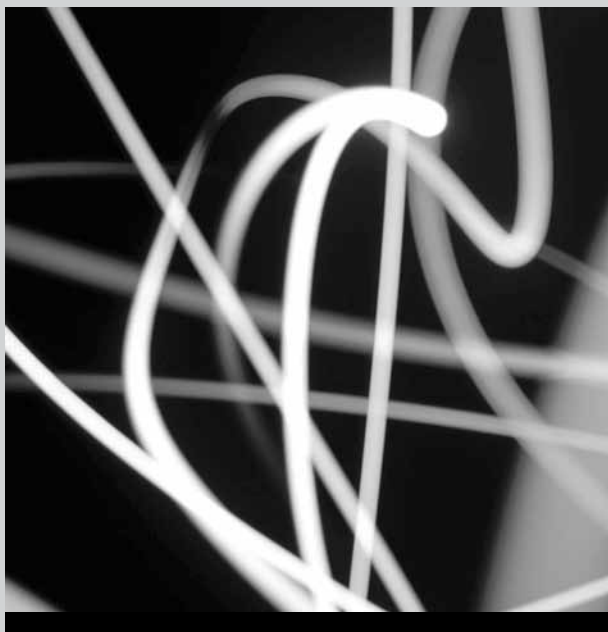
Евангельский Собор – это возрождение новозаветной традиции решения актуальных вопросов церковной жизни путем соборного обсуждения и совместного поиска Божьей воли (Деян.15:6-29). Он включает в себя молитвенную и организационно-деятельностную части.

Таким образом, объединяя духовную и мыслительную составляющие, мы приходим к пониманию, чего хочет Господь, и что можем и будем делать мы.

В работе Собора может принять участие каждый христианин, независимо от духовного сана и конфессиональной принадлежности, который осознает свою ответственность за судьбу Церкви Христовой и реализует ее в своем практическом служении и конкретных проектах. Тем самым Собор воплощает принцип всеобщего священства (1Пет.2:9).

Евангельский Собор проходит ежегодно на неделе, предшествующей празднику Пятидесятницы – дню рождения Церкви Иисуса Христа. Тем самым Евангельский Собор свидетельствует о единстве Тела Христова.

В промежутке между Соборами работает Межсоборное Присутствие – рабочая группа Евангельского Собора.

АКТУАЛЬНЫЕ ЗАДАЧИ
ЕВАНГЕЛЬСКОГО
ДВИЖЕНИЯ

предсоборные тезисы

Уважаемые участники Евангельского Собора!

Дорогие братья и сестры!

За прошедший год инициативная группа по подготовке Собора провела в поместных церквях и объединениях ряд организационно-деятельностных мероприятий с участием представителей различных конфессий и юрисдикций. Был организован богословский семинар, одной из целей которого явилась философско-теологическая и гуманитарно-технологическая проработка актуальных ситуаций нашего евангельского служения.

Указанная деятельность позволила нам сформулировать задачи, стоящие перед Евангельским движением в настоящее время:

- 1. Углубление и расширение религиозной идентичности членов евангельских церквей.**
- 2. Создание собственного интеллектуального, социального и политического дискурса.**
- 3. Кардинальное изменение положения церквей в обществе: преодоление маргинальности при сохранении инаковости.**
- 4. Определение приоритета в служении: стратегическое сосредоточение.**
- 5. Использование преимуществ сетевой структуры: региональное рассредоточение.**
- 6. Организация и ежегодное проведение Евангельского Собора.**

Рассмотрим каждую из задач.

1. Углубление и расширение религиозной идентичности

Для многих прихожан наших церквей история Церкви, которой они принадлежат, начинается со дня основания их собственной общины или ассоциации, в которую входит эта община. По сути, это обычно означает — с бурных 90-х XX века, либо со второй половины XIX века (времени появления евангельских церквей в России), либо, крайне редко — с эпохи Реформации, но почти никогда — с Апостольской Церкви.

Да, ссылки на апостольские времена и апостольский дух имеются, но идентичность с Церковью, существующей по сей день с первого века христианской эры, не прослеживается, не удерживается и не демонстрируется. Почти всегда в восприятии евангельских верующих между историей новозаветной и историей недавнего прошлого имеется резкий разрыв. Этот разрыв делает верующих внеисторичными, а значит, находящимися вне **традиции**. Такая «родовая» неукорененность ведет к нарушениям в религиозной идентичности и, в конечном итоге, делает евангельские церкви в российском обществе «нетрадиционными», а значит, пришлыми, чужими, гонимыми.

Религиозная идентичность наших людей «съеживается» и по другой причине. Наблюдается постепенное отдаление российских евангельских церквей от русскоязычных церквей в других странах, в недавнем прошлом входивших в состав СССР. Отчасти это результат нашего собственного невежества и страха, отчасти — сознательных усилий тех, кто опасается единства русскоязычного евангельского движения. Во многом на это отчуждение влияют политические события (особенно в отношениях с Украиной, Грузией и странами Балтии).

Непростые отношения складываются и с нашими братьями, уехавшими на Запад, и созданными ими там церквями. Зачастую мы воспринимаем их как доноров, непременно обязанных оказывать спонсорскую поддержку нашим местным инициативам.

В евангельских церквях чрезмерен конфессиональный дух, который проявляется в стремлении отождествить с евангельским движением только свою собственную конфессию, только самих себя.

В ответ на эту болезнь мы приступили к работе по реконструкции истории и богословия, с целью показать, что евангельское движение уходит своими корнями в апостольскую эпоху, и что дух евангельской свободы проявлялся на протяжении **всей истории Церкви** в самых различных формах, временах, конфессиях и деноминациях. Так мы сможем положить твердое основание для нашего служения в России, показать свою историческую и имеющую традицию преемственность Вселенской Церкви, продемонстрировать свою приверженность непреходящему проявлению движения Святого Духа. Особенно важно, что таким

образом мы создадим механизм защиты от попыток «встроить» евангельское движение в привычную, и потому легко возобновляемую, **византийскую модель**. Нам предстоит показать укорененность российского евангельского движения в русской истории (несмотря на преимущественно авторитарный характер этой истории), а также — единство всего русскоязычного и русскокультурного евангельского христианства. И вести братский диалог и строить по-настоящему партнерские отношения с нашими зарубежными братьями именно с этих позиций.

Таким образом, работа по формированию идентичности евангельского движения России должна быть сфокусирована на **трех главных моментах**. Это:

(1) **Преемственность**, проходящая сквозь все века и конфессии от Апостольской эпохи и Новозаветной Церкви вплоть до сегодняшнего дня. Мы — наследники апологетов и Отцов Церкви, великих святых и реформаторов, миссионеров и богословов, русских религиозных философов и современных западных теологов. И нам предстоит огромная работа по освоению этого наследия.

(2) **Надконфессиональность**, обеспечивающая искомое жизненно необходимое единство всего евангельского движения. Требуется поставить евангельскую, даже более того — христианскую идентичность выше конфессиональной, не говоря уже о юрисдикционной, принадлежности. Важно чувствовать меру и ясно понимать задачу, которая состоит не в разрушении существующих конфессий и юрисдикций, а в преодолении конфессиональной замкнутости и ограниченности. Необходимо заново открыть Единую Церковь в полноте и разнообразии организационных форм и способов (традиций) поклонения Богу, многообразности священного обряда. Для этого нам предстоит заложить глубокое богословское основание, причем такое, чтобы само мышление о Церкви не могло протекать иначе, как в ситуации удерживания и её многообразия, и её единства.

(3) **Неразрывная связь** российского евангельского движения с русскоязычными евангельскими церквями за рубежом, а также — с евангельским движением в мире в целом. Для этого нужно **по-новому осмыслить** те взаимоотношения с зарубежными братьями, которые существуют на данный момент, а также приложить усилия к восстановлению связей, разорванных в результате распада СССР.

Подведем итоги. Необходимо постепенное смещение фокуса идентичности наших церквей:

- мы не столько протестанты, сколько евангельские верующие;
- наши церкви не столько протестантские, сколько евангельские, не только объединенные в ассоциации и союзы, но скрепленные всеевангельским движением, в котором чувствуется дыхание Духа Святого и любовь Христа.

В единстве — сила. В многообразии — свобода. Поэтому мы **едины в многообразии**. Так пусть же эти слова станут не только красивым лозунгом, но и руководством в наших делах.

2. Создание собственного дискурса

Большинство из нас — копиисты. Мы копируем действия, подходы, документы, саму повестку дня у всех, кто старше и влиятельней нас — Русской Православной Церкви, российского государства, Запада.

Довольно часто наши идеи и инициативы бывают перехвачены другими (и при этом крайне искажены), а наши ресурсы и достижения используются в целях, весьма далеких от тех, что ставит перед собой евангельское движение. Различные силы стремятся использовать евангельское движение для реализации своих планов, подчас не имеющих никакого отношения к проповеди Евангелия и созиданию Царства Божьего.

Мы можем и должны приступить к формированию таких интеллектуальных, институциональных, медийных и социальных пространств, в которых повестку дня и века будут задавать лидеры и спикеры евангельского движения. Правила диалога в таких пространствах должны определяться нами на основе наших ценностей, наших представлений об этике, нашего знания о **должном**.

Вводимый дискурс должен опираться на прочный фундамент. Его основательность должна задаваться несколькими принципами:

- более точной, чем у других проблематизацией действительности (мировой, общероссийской, местной);
- развитым богословием (причем не отстранено-систематическим, а находящимся в гуще вопросов современности);
- наличием постоянно обновляемой программы коллективного действия (которая рождается соборным разумом).

Все перечисленное требует определенной культуры церковно-управленческого и теолого-философского мышления.

Безусловно, успех такого дискурса (масштаба *urbi et orbi*) сильно зависит от личных качеств высказывающихся и, в частности, от их смелости, искренности и способности ясно выражать свои мысли.

Даже тогда, когда мы хотим, образно говоря, вести свою игру, нас умело вынуждают играть по чужим правилам и на чужом поле, где становятся наиболее заметными наши слабости, а наши сильные стороны проявиться не в состоянии.

3. Изменение положения в обществе: инаковость вместо маргинальности

Маргинальность — суть такое положение в обществе, когда вы не оказываете никакого влияния на культуру общества, в котором пребываете. Быть маргиналом — значит быть с краю, на обочине.

Маргинальные группы, как правило, остаются слабыми, в конечном счете, жалкими и, что особенно важно, обреченными пребывать вне исторического процесса¹.

Инаковость позволяет работать с миром, не изменяя себе, своему пути, Слову.

Инаковость же предполагает, что мир **в вас вслушивается**, даже если ненавидит вас. Не только признает за вами право на существование, но даже вынужден с вами считаться и как-то подстраиваться.

Инаковость позволяет транслировать вашу позицию в мир, заквашивая его. Нам важно преодолеть исторически доставшуюся нам маргинальность, дабы показать, что есть **иной** образ жизни, **иной** способ поклонения Богу, **иная** модель Церкви, а значит **иная** Россия (собственно, в этом и состоит наша «традиционность», ведь поиск неведомого града Китежа, ожидание **иной** Святой Руси составляют нерв русского богоискательства).

Представляется, что именно в преодолении маргинальности и состоит призвание Евангельской Церкви в нашей стране. Без этого мы не сможем выполнять Великое Поручение Христа и быть Его светом в мире сем. Нам приходится порой сталкиваться с ситуацией, когда какой-то лидер евангельского движения выдает собственную маргинальность (или своей общины) за инаковость. Необходимо распознавать такие подмены и открыто о них говорить.

При этом действительно существует опасность, что в попытке преодолеть маргинальность мы можем утратить ту инаковость, которая должна отличать последователей Иисуса Христа: **быть в мире, но быть не от мира**. Однако эта опасность, ясно нами осознаваемая, не может вынудить нас отказаться от задачи преодоления маргинальности при сохранении и, в определенном смысле, даже обостренном проживании своей инаковости. Эту задачу необходимо поставить и активно искать пути решения.

¹ В истории культуры существуют различные определения термина «маргинальность». В данном тексте мы остановились на одном из них, когда маргинальность понимается как исключенность из исторического процесса и невозможность предопределять этот процесс.

4. Определение приоритета в служении

Все вышесказанное свидетельствует, что перед нашим движением стоит стратегическая задача: совершить прорыв, продвинуться в социальных системах и закрепиться на новом уровне. Решение этой задачи напрямую связано как со служением наших общин на местах, так и с нашей позицией в обществе в целом и требует выбора приоритета в служении с последующим сосредоточением на этом направлении основных сил. При этом другие «участки фронта» неизбежно оголятся, но результаты прорыва позволят в дальнейшем успешно компенсировать потери.

Прорыв — это всегда риск. Однако в нашей ситуации попытка «удерживать фронт» на всем его протяжении является даже не более высоким риском, а серьезной ошибкой. Причем ошибкой стратегической, поскольку такая позиция ведет к постепенному, но гарантированному выдавливанию нас из всех сфер жизни общества. Ресурсов нашего движения не всегда достаточно даже для того, чтобы удерживать уже достигнутые позиции. А потому выбор одного, но ключевого направления служения обществу — это жизненно важное решение. При осуществлении выбора совершенно необходимо отказаться от понимания служения как деятельности, направленной исключительно на немощных.

Выбор одного, но ключевого направления служения обществу — это жизненно важное решение.

Сосредоточение ресурсов на одном направлении значительно повысит шансы на реальный прорыв. При выборе этого приоритета следует учесть наиболее сильные стороны нашего движения, а также добиться корреляции между развитием и деятельностью поместных общин, и нашей позицией в обществе. И лучше всего, если будет выбрано такое направление служения, которого пока не видят (или к которому пока не готовы) другие «игроки», присутствующие на религиозном поле.

Чтобы обнаружить направление прорыва, затем всем миром (движением) договориться о тактике и стратегии, и двинуться в этом направлении, нам и нужен Собор (как собрание во Имя Господне), на котором сможет проявиться пророческий взгляд и руководство Святого Духа.

5. Сетевая децентрализация

Проведенные в регионах организационно-деятельностные мероприятия позволяют сделать вывод о неиспользуемом потенциале отдаленных от центра, но деятельных общин. Поместные церкви хотят и могут сделать для целей всеевангельского движения куда больше, чем делают сегодня.

Традиционная российская централизация полностью соответствует византийской модели и противоречит евангельской.

Следуя торной дорогой московской централизации (а за ней и авторитарности), мы подрываем сетевой принцип — сущностное основание нашего движения.

Поэтому необходимо научиться использовать имманентные преимущества нашей сетевой структуры и, **рассредоточившись**, опереться на упомянутый выше потенциал регионов.

При этом не следует забывать, что сетевая организация евангельского движения делает его более устойчивым к атакам наших недоброжелателей и к неизбежным управленческим ошибкам руководителей.

На практике это означает следующее: необходимо разработать общесетевые проекты, в которые в разной степени могут включиться церкви конкретного региона, определив свои функциональные позиции. В случае необходимости следует оказать этим церквям ресурсную и кадровую поддержку, и целенаправленно делегировать им полномочия и обязательства, сея, тем самым, по всему необъятному пространству страны христианские «точки роста».

6. Организация ежегодного Евангельского Собора

Евангельскому движению необходимо пространство для сборки всех направлений деятельности, вытекающих из вышеперечисленных задач. Собственно, это и есть первое и наиважнейшее требование к Собору. Собор следует изначально делать именно общеевангельским (всеевангельским). Несмотря на то, что костяк Собора 2010 года составляют служители одного из евангельских союзов, Собор не должен быть органом одного союза или одной конфессии. Он должен стать местом встречи, молитвы и пророческого поиска представителей всего евангельского движения. И мы, участники Первого Собора, должны положить этому крепкое основание.

Собор необходимо проводить с определенной регулярностью в одно и то же время: он должен стать событием годового календаря, стать традицией. Мы полагаем, что Собор должен быть ежегодным и проходить на неделе, предшествующей славной Пятидесятнице — Дню Церкви Христовой. Тем самым мы напрямую свяжем современный Евангельский Собор с новозаветным событием, когда накануне Пятидесятницы апостолы несколько дней провели в совместной молитве, общении и обсуждении вопросов становления Начальной Церкви (Деян 1:12-26).

Нельзя допустить, чтобы Собор превратился в исключительно пасторское собрание. Его активными участниками должны стать христианские ученые и политики, экономисты и журналисты, философы и теологи. Иначе мы будем отстаивать принцип всеобщего священства только на словах.

Евангельский Собор – «точка сборки» Евангельского движения.

Собор нельзя ограничивать пределами Российской Федерации. Необходимо с самого начала приглашать на Собор лучших представителей всего евангельского движения, в том числе из ближнего, а впоследствии — и из дальнего зарубежья. Благодаря такому подходу, мы будем формировать собственное представление о том, что есть **Русский мир**. Идеи и положения Собора могут и должны быть использованы различными союзами и ассоциациями для выработки собственных решений. Но эта работа должна происходить за рамками Собора.

Собор, избавленный от авторитарного духа, будет иметь духовный авторитет. Мы верим, что Евангельский Собор, проводимый ежегодно накануне праздника Пятидесятницы, с масштабной повесткой, открытой дискуссией, совместным пророческим поиском, коллективным соборным мышлением, серьезной предсоборной подготовкой и выходом на крупные национальные и международные проекты, станет подлинным лицом всеевангельского движения и ожидаемым проявлением замысла Божьего о России.

Группа по подготовке и проведению Евангельского Собора-2010

НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ
ЕВАНГЕЛЬСКОГО
ДВИЖЕНИЯ
постсоборные тезисы

Уважаемые участники Евангельского Собора!

Дорогие братья и сестры!

Первый Евангельский Собор, состоявшийся с 16 по 21 мая 2010 года в Подмоскowie, стал важным шагом в созидании Евангельского движения России. Совместное богослужение и Причастие, открытое, небесстрастное и честное обсуждение сложнейших вопросов развития и служения Евангельской Церкви, совместная молитва и общение — все это дает основания говорить о Евангельском движении как о реальности сегодняшнего дня Церкви, а также видеть в нем ее будущее.

Собор заложил фундамент для понимания сути Евангельского движения и определил главные направления его развития, работа над которыми проводилась в рамках следующих тем:

- 1. Евангельский дух**
как животворящая сила
российской истории.
- 2. Христианская повестка дня**
как условие рождения иной России.
- 3. Евангельское движение**
как искомая форма
существования христиан.
- 4. Деятельностный подход**
как базовое условие существования
Евангельского движения.
- 5. Соборность**
как форма выражения принципа
«единство в многообразии».

1. Евангельский дух

как животворящая сила российской истории

Обыденное представление об истории основывается на заблуждении, что она есть последовательное и объективное изложение исторических фактов. Такое сознание полагает, что исторический факт предзадан и человек изначально понимает его истинное значение. В то время как факты всегда отбираются, соприносятся и подвергаются интерпретации. Интерпретации интенциональной¹, иногда — предвзятой, но всегда значимой для самого человека. Ведь именно благодаря **истолкованию** факты становятся историчными, а сама история обретает смысл. И только обретя этот смысл, мы можем понимать настоящее и организовать движение в искомое будущее.

История России настойчиво истолковывается таким образом, чтобы представить византийскую модель государственности как единственно возможную, а идею Москвы как очередного **Рима** — естественной, исторически predetermined и спасительной для нашей страны, а через концепцию **катехона**² — и для всего мира. При этом забывается, что закономерным результатом действий, обуславливаемых подобным взглядом на историю, станет клерикальное и деспотичное государство, подминающее под себя Церковь Христа.

Мечтать о свободном правовом открытом обществе, не переосмысливая отечественную историю — бесполезно. Поэтому мы возвращаемся к фактам, свидетельствующим о том, что существовали и другие сценарии развития страны, а величие нации могло быть построено не на костях и загубленных судьбах ее сыновей и дочерей. Истинное величие и могущество достигаются не за счет подавления личности человека и последовательного искоренения гуманизма из общественной и политической жизни, а путем раскрытия и высвобождения потенциала свободных и ответственных граждан.

В российской истории всегда присутствовала живая духовная струя, которая и дала нашему народу подлинную силу. Мы называем эту струю **евангельским духом**, поскольку она всегда была связана со свободной, неклерикальной проповедью Евангелия, с живым, никем и ничем несдерживаемым интересом к Слову.

¹ В данном случае — направленной на определенный результат.

² Происхождение термина и понятия восходит к словам апостола Павла во 2-м послании к Фессалоникийцам, где он говорит о невозможности наступления конца мира, пока не будет взят удерживающий = катехон: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий [ο κατέχων] теперь. И тогда откроется беззаконник...» (2 Фес 2:7-8). Несмотря на вариативность толкования этого отрывка Писания, в Византии доминировало представление, что *удерживающий* есть имперская власть, власть кесаря, силой которой мир удерживается от прихода антихриста. А потому разрушение империи и восстание против власти кесаря — прямая дорога к всеобщей катастрофе. Именно это толкование катехона лежит в основе концепции «Москва — Третий Рим».

Действие евангельского духа в российской истории можно проследить задолго до князя Владимира — так, например, Он дышит в деятельности княгини Ольги и тех купцов, которые еще до официальной даты Крещения Руси строили в Новгороде, Киеве и других городах Гардарики³ храмы и учреждали христианские собрания. А после Крещения, которое формально христианизировало Русь, само христианство в значительной степени перестало быть свободным выбором человека, превратившись в политический проект князя и киевского престола.

Присутствие евангельского духа несомненно в жизни и деяниях великого князя и ученого Ярослава Мудрого и смиренного подвижника Сергия Радонежского; многочисленных нестяжателей и московско-новгородских реформаторов; питерской интеллигенции, ищущей в формалиновом православном государстве Победоносцева живое слово Евангелия, и многих-многих других подлинных христиан. Они были людьми, принадлежавшими к разным сословиям, конфессиям и эпохам, но породненные духом Христовым. Именно этот дух помогал нашему народу подниматься из руин после войн и нашествий, голода и мора, сохранять творческую силу под гнетом деспотии, преодолевать косность и формализм официальной религии.

Крещение Владимира формально христианизовало Русь, но христианство в значительной степени перестало быть свободным выбором человека.

Но парадокс нашей истории заключается в том, что эти великие достижения и победы числятся не за евангельским духом, но приписываются той самой силе, которая подавляла свободу мысли, искореняла любые проявления подлинно гражданского общества, поддерживала государственный деспотизм восточного образца. Силе, помпезно называемой **«византизмом»**, чей дух всегда паразитировал (и продолжает это делать) на евангельском духе, поскольку сам не имеет в себе силы животворить. Желая сохранить за собой **право первенства**, византизм стремился и стремится если не искоренить, то хотя бы вытеснить евангельский дух на обочину истории и повседневности.

Так было и с Крещением Руси, когда Владимир использовал Радостную Весть⁴ о Царстве Божьем для укрепления собственной княжьей власти⁵.

³ Это древнескандинавское именование Руси означает, буквально, «страна городов» — такой Русь виделась ее завоевателям рюриковичам. Глубинный смысл этого названия свидетельствует, что для проникновения христианства на Русь были созданы институциональные условия, ведь христиане — это изначально горожане. Всякая последующая христианизация осуществлялась по сценарию «от города к деревне». На Московской Руси, чью городскую жизнь сильно подорвало ордынское иго, огромную роль в христианизации населения сыграли монастыри, которые взяли на себя сугубо городскую (иными словами, цивилизаторскую) роль.

⁴ Несмотря на то, что более привычным считается словосочетание *Благая Весть*, мы используем современную версию ключевого евангельского понятия, введенную в нашу языковую культуру благодаря новому переводу Нового Завета, выполненному Российским Библейским Обществом.

⁵ Так радость стала *обязательной радостью*, а всякая иная радость или отсутствие радости стало государственным преступлением.

Так было и в переломную эпоху, когда на рубеже XV-XVI вв. освобождение Руси от ордынской зависимости открыло путь к построению самостоятельного государства.

Духовный подъем в самых разных слоях российского общества был использован для утверждения концепции «Москва — Третий Рим» — идеи, глубоко чуждой христианскому самосознанию, для которого Первый Рим — это Рим кесаря-разрушителя Храма, Рим первохристианской крови, место публичной казни Петра, Павла и тысяч других верных последователей Христа. Второй Рим — место приручения церкви, подчинения ее интересам империи. Ровно то же самое произошло в синодальный период истории российской церкви в христианской державе, впитавшей в себя Филофееву формулу «Москва — Третий Рим».

Нет никакого сомнения, что выбор этой концепции определил дальнейший ход российской истории. Плоды распробованы: клерикальное, деспотичное государство, продуцирующее холопское самосознание, в котором доминирует формальная религиозность и поощряется обрядовые, в результате чего происходит подавление и выдавливание всего оригинального, самобытного, свободного, рвущегося, беспокойного⁶.

Словом всего, что нарушает установленный помазанником-царем «священный» порядок. Собственно, все три русские революции были обострением и вскрытием этого хронического нарыва.

Но, даже будучи репрессированным, евангельский дух, продолжал свое действие в истории нашего народа. Именно в этом духе, а не в официальной религиозности — истоки и русской святости, и русского богоискательства, и русской религиозной философии, и российского евангельского движения.

**Иная Россия возможна,
потому что она есть
в нас самих!**

Особенно ярко евангельский дух заявлял о себе в эпохи перемен, когда появлялась возможность выскочить из наезженной «византийской колеи» и сделать шаг в сторону новой, иной России, свободной от клерикализма и деспотизма византийского наследия.

Сегодня мы хотим увидеть **иную** Русь — свободную, творческую, открытую миру идей и людей, повернутую лицом к каждому конкретному человеку. Иная Россия возможна, потому что она есть в нас самих, а также — в сердцах миллионов наших сограждан, живущих вне византийского проекта. Но, чтобы эта возможность стала реальностью, должна быть **сформулирована и включена в интеллектуальный оборот Христианская повестка дня России.**

⁶ «А вы построили темницы и запреты: / Суд гасит страсть, / Правительства — мятеж, / Врач гасит жизнь, / Священник гасит совесть. /.../ Обеззараженность — отнюдь не добродетель.» М. Волошин.

2. Христианская повестка дня

как условие рождения иной России

Христианская повестка дня России — это евангельский взгляд на судьбу России, на ее место в мире и ее будущее со Христом.

Христианская повестка дня России предполагает, что евангельское сообщество должно осознать свое призвание быть **пророческим голосом своего народа**. Как пророческий народ, мы и можем, и должны иметь свою позицию, основанную на иной интерпретации истории, глубоком понимании сущности нашего народа и провидении Божьего призыва к России. Иными словами, христианская повестка дня — это **понимание и провозглашение Божьего предназначения России**.

Большинство предлагаемых сегодня моделей развития России опираются на прошлое и настоящее, поскольку именно в бывшем и существующем их авторы видят идеал того, какой должна стать наша страна.

Христианский взгляд укоренен в истории и питается ее соками, но свой идеал черпает из вечности, а потому предполагает **постоянное, неукротимое восстановление Божьего замысла о России**. Такой подход позволяет видеть Россию не как копию с чужого образца. Копия всегда хуже оригинала, а потому, копируя чужие образцы (прошлые или настоящие), мы обречены на поражение.

Христианский взгляд укоренен в истории и питается ее соками, но свой идеал черпает из вечности.

Византийская модель — это пример из далекого и не слишком удачного прошлого. Попытка предложить средневековую империю в качестве образца для постиндустриальной эпохи — обречена на провал. То же самое верно и для противоположенного подхода: нерелексивное копирование западных образцов ставит нашу страну в положение «вечно догоняющей», а значит, закрепляет за Россией роль третьюсортной державы, не влияющей на мировые процессы.

Христианская повестка дня России предполагает создание не копии, а оригинала. Такая повестка дня будет актуальна не только для самой России, но и для всего мирового сообщества, и, главное, для Церкви Христа, которая также едина, как Един Сам Христос. За такую **иную** Россию можно и нужно бороться. Бороться за то, чтобы покинуть наезженную колею. Бороться за Христову Россию.

Речь не идет о борьбе с внешними или внутренними врагами. Бороться нужно с собственной косностью, ленью, трусостью и инерцией — нашими реальными противниками. Бороться, чтобы не принести евангельские ценности в жертву

сиюминутной конъюнктуре. Провозглашение христианской повестки дня есть одновременно и провозглашение готовности *сражаться за иную Россию*, а значит жертвовать многим.

Одновременно, христианская повестка дня есть **благодарность Богу за Россию** — как за то, что Он уже совершил в нашем народе, на нашей земле, так и за то, что Он еще совершит. И особенно за то, что Он дал нам такую высокую привилегию — быть Его соратниками, быть одними из тех, через кого Его воля воплощается на российской земле. Наша благодарность есть выражение веры в то, что Его замысел исполнится, Его воля совершится, Он — грядет! Христианская повестка может пониматься по-разному.

Во-первых, как христианизация существующей светской повестки. В этом случае мы просто выбираем из ее положений те пункты, которые соотносятся с ценностями христианства, и обогащаем их богословскими суждениями и ссылками на Писание. Этот путь не бессмысленен, поскольку множество положений светской повестки дня не может быть реализовано без глубинного принятия христианских ценностей, что означает частичную христианскую закваску политической элиты мирского общества. К тому же уже сейчас понятно, что достижение стратегических целей, стоящих перед российским государством, невозможно без поддержки христиан и части общества, обогащенного духом христианства.

Однако этот подход имеет и свой существенный недостаток. Он не предполагает пророческого взгляда, не требует мужества веры и не способен предложить свое понимание будущего. При таком подходе есть риск, что христиане будут востребованы лишь как рабочая сила, выполняющая то, за что никто другой просто не берется, но магистральное развитие общества будет происходить в стороне от них. Таким образом, это не путь формирования подлинно христианской повестки дня, но поддержка светской при частичной ее христианизации. Говорить о христианском будущем России при такой схеме не приходится.

Во-вторых, мы можем предложить свой собственный **идеальный** и потому трудно понимаемый миром и с трудом исполнимый нами самими план действий. Этот подход может полностью соответствовать духу апокалиптической литературы, но не может быть принят миром и потому останется параллельной реальностью. В этом случае христиане неизбежно оказываются в положении маргинальной группы, чье суждение о мире, возможно, абсолютно верно (по крайней мере, если оно выражено в терминах метафизики), но никому неинтересно.

Нам, безусловно, следует удерживать вневременную перспективу в отношении исторического развития, ибо оно по определению раскрывает себя во времени. Христиане просто обязаны мерить судьбы мира на весах вечности. Но настоящему христианская повестка дня предполагает, что вдохновляющие нас вечные истины заземлены в конкретной эпохе, связаны с жизнью конкретных людей, с их проблемами и нуждами. И что истины эти предлагают реальные ответы не только членам общины верных, но и людям, стоящим на других мировоззренческих позициях.

Возможен и третий вариант, наиболее доступный, наиболее востребованный миром, перенасыщенным политкорректностью. Речь идет о типичном разговоре на тему «за мир во всем мире». Этот soft-вариант христианского мировоззрения легко узнаваем. Он преобладает на многочисленных круглых столах и конференциях, проводимых с участием внушительно выглядящих и чинно говорящих представителей «традиционных» религий. Основная проблема такого варианта повестки дня заключается в том, что он, по большому счету, уже не является христианским, поскольку представляет собой компромисс, который чаще всего оказывается хуже любой альтернативы. Да и повесткой дня, по сути, тоже уже не является, поскольку не предлагает реальных путей движения в будущее и не дает решений, которые сделали бы это будущее лучше, чем настоящее.

Наконец, есть четвертый вариант: **христианская повестка дня как оправдание будущего**. Кто кроме людей веры способен выявить нравственное лицо будущего? Увидеть в том, чего пока нет, то, что оправдывает его перед лицом нашей веры? Речь не идет об

оправдании как примирению секулярной морали современного человека с меняющимися образами грядущей техно-инфо-сферы. Речь не идет о втискивании своего мировоззрения в любое будущее и подгонки этого будущего под узко национальные или конфессиональные рамки.

Мы говорим о необходимости формирования **будущего**, его сокровенного образа. Мы собираемся назвать и утвердить **ценности грядущего**. Увидеть **идущее** таким, каким оно действительно придет к нам завтра. Не отвергнуть, не испугаться, а принять его. Дать будущему твердое основание для жизни в настоящем. Поступить по образцу Божьему — вдунуть жизнь в пока еще неодохворенную форму. А значит, принять **ответственность за будущее**.

Церковь уже не раз поступала подобным образом. Августин и Папа Лев I сделали эту работу для наступающих Темных Веков. И Римская церковь оказалась единственной силой, сохранившей Европу как целостное пространство и удержавшей вкус и память о цивилизации. Позднее Лютер, Кальвин и другие Реформаторы дали богословское основание наступающей эпохе, благодаря чему протестантизм стал христианством индустриального мира.

Мир снова беременен. Снова стоит на пороге радикальных перемен. А значит, в очередной раз необходимо положить духовное основание новой эпохе. Но титульная Церковь предпочитает оплакивать уходящий мир, вместо того, чтобы воцерковлять грядущий. Христианская повестка как оправдание будущего может быть только у носителей определенного рода знания и воли. Встает вопрос: **Какая форма способна вместить такое знание и волю?**

Достижение стратегических целей, стоящих перед российским государством, невозможно без поддержки христиан и части общества, обогащенного духом христианства

3. Евангельское движение как искомая форма сосуществования христиан

«Дух дышит, где хочет» (Ин 3:8). Бог не нуждается в рамках, устанавливаемых людьми. Его Церковь способна преодолевать человеческие границы: политические, расовые, деноминационные, конфессиональные.

Это хорошо понимали наши предшественники, задолго до нас сформулировавшие принцип: *«В главном — единство, во второстепенном — многообразие, во всем — любовь!»*⁷ и с грустью повторявшие вновь и вновь, что *«человеческие перегордки не достигают небес»*.

Надконфессиональность предполагает, что мы отказываемся не от особенностей своего исповедания и форм богослужения, а от конфессиональной исключительности.

Чтобы быть способными предложить христианскую повестку дня страны, выдвинуть иной путь движения России, нам нужно подняться над существующими перегордками, стать надконфессиональными, наднациональными. Именно в таком пространстве и происходит сегодня формирование Евангельского движения.

Этот тезис не предполагает отмены или слияния существующих конфессий и юрисдикций. Напротив, наличие различных

конфессий позволяет сохранять то разнообразие, без которого подлинное единство просто невозможно! Надконфессиональность предполагает, что мы отказываемся не от особенностей своего исповедания и форм богослужения, а от замыкания исключительно внутри своей конфессии, от конфессиональной исключительности, и начинаем воспринимать себя как важную часть общей картины. А потому должны удерживать и общий сюжет, и свою специфическую роль в этом сюжете.

Поле трудов евангельского движения далеко не только пасторское и конфессиональное. Оно в первую очередь общественное и политическое.

Вероучительная, таинственная⁸ и спасительная жизнь Церкви совершается в соответствии с установлениями конфессий. Но в сфере общественной и политической конфессии выступать не должны. И не только потому, что это противоречит евангельскому принципу **Божье — Богу, кесарево — кесарю** (Мф 22:21) и положению светского права об отделении церкви от государства. Но, самое главное, поскольку это разрушает глубинную сущность Тела Христова.

⁷ Августин, епископ Гиппонский.

⁸ Это слово нужно читать дважды: и как таинственная, и как тайнственная.

Тогда как же быть? Как **нести меч в мир** (Мф 10:34), не превращая Церковь в силовую организацию, пуповиной связанную с канцелярией кесаря? Для того мы и говорим во весь голос о Евангельском движении.

Именно оно — евангельское движение — и может, и должно действовать в общественно-политической сфере, поскольку является не церковным органом, а движением христиан, выражает не мнение определенных конфессий, а личную позицию человека, является пространством, в котором каждый руководствуется исключительно своей совестью и Словом Божиим.

Такой подход позволяет воплотить важнейший евангельский принцип **разделения**. Образ тела, который использует апостол Павел (Рим 12; 1 Кор 12) для описания Церкви, является живой иллюстрацией этого принципа: ни один из нас не обладает полнотой даров, ни один из нас не может обойтись без остальных, каждый имеет свою специфическую роль в общем, сквозном замысле. Отделение евангельского движения от конфессиональных структур и сугубо пасторского служения позволяет, подобно принципу разделения властей, снять коррупцию, и, подобно принципу разделения труда, стать эффективными, повысить качество на каждом участке служения.

Зададимся вопросом:

«Как возможно евангельское движение?»

Наша формула:

Ж	Жертва
И	Идентичность
З	Знание
Н	Нравственность
Ь	

Ж**Признание жертвы**

Единство достигается не компромиссами, а жертвой любви.

Компромисс подразумевает взаимный отказ от некоторых ценностей ради совместных действий. Считается, что эти ценности второстепенны по отношению к другим, более значимым. Но на практике видно, что они являются весьма важными, иначе отказ от них не был бы столь болезненным. Компромисс не есть согласие, поскольку каждая сторона остается в чем-то неудовлетворенной, а потом стремится «вернуть потерянное». Потому компромисс всегда есть лишь временное перемирие, за которым с неизбежностью следует новое столкновение.

Истинное единство достигается через выход на новый уровень, когда различные позиции начинают восприниматься как части единого, более сложного целого. В этом случае согласие действительно возможно, поскольку каждая из сторон начинает видеть свою потребность в другом, способном удерживать иную часть целого. Другой уже не воспринимается как угроза или нечто незначимое, напротив, каждый начинает сознавать, что без другого он просто не сможет достичь желаемой полноты. На этом уровне различия означают уже не конфронтацию, а взаимное обогащение.

Жертвовать необходимо не Истиной, а своим общественным положением, перешагивать следует не через принципы, а через личные обиды, страсти и амбиции.

Но выход на этот уровень невозможен без **жертвы**, без отказа от себя, от своей эгоистической правды. Речь идет не об отказе от своих ценностей, а о преодолении амбиций, отказе от позиции превосходства, от всезнайства и гордыни. Каждый раз, когда мы сталкиваемся с противоречиями и разногласиями, Бог ждет от нас не компромисса, не отказа от наших ценностей и убеждений, а смирения перед братом, принятие его как равного и даже высшего, готовности к открытому и уважительному диалогу. Отказы-

ваясь от себя, мы открываем путь Богу, даем Духу Святому возможность поднять нас на тот уровень, на котором наши различия будут восприниматься как части одного целого.

Собственно, мы говорим о евангельском требовании к каждому верующему — о смирении. Ведь смирение — это и есть преодоление гордыни. Если ты смирен, вопрос о единстве не встает: оно уже есть — есть во Христе, а через Него и со всеми остальными.

Но это нравственное требование не может являться единственным условием, мы нуждаемся в когнитивной установке. Поэтому для того, чтобы такая жертва была возможна, необходимо более сложное понимание евангельской идентичности.

И

Усложнение идентичности

Во многом наше сегодняшнее представление об идентичности строится на принципе «свой:чужой». Фактически, наша идентичность является «негативной»: мы определяем себя по тем критериям, по которым отличаемся от других. Догматика при таком подходе, вместо того, чтобы служить «дорожной картой» к Богу, становится просто «паролем», позволяющим отличать своих от всех остальных. Маргинальность при таком подходе неизбежна. Воинственная духовность также неизбежна, поскольку «все, кто не с нами — против нас»⁹.

Настоящее и стоящее единство не возникает на основе общей доктрины. Причин тому множество, но главная в том, что у доктрины иная функция. Ее цель — направлять человека на пути к Богу, давать ориентиры для духовного роста, обеспечить человека-ищущего-идущего неким коридором безопасного поиска. Использование догматики как основы для единения-разделения есть недопустимая профанация Истины.

Настоящее единство возможно лишь на основе **общих ценностей**. Причем таких, которые преломляются в образе жизни, мышления и деятельности. Люди с идентичными ценностями находят друг друга почти автоматически и соединяются в общей деятельности даже при очень большой разнице во взглядах и убеждениях. Более того, общие ценности при различных убеждениях как раз и позволяют учитывать разные точки зрения на один и тот же вопрос, а значит — повышать эффективность совместного труда. В то время как различие в ценностях далеко разводит даже тех, кто не имеет никаких доктринальных противоречий.

Ценностный подход позволяет сформировать «позитивную» идентичность, на основе можно уже говорить о том, что важно и должно. Иными словами, о том, что составляет суть нашего движения, безотносительно к тому, отличает это нас от всех остальных, или нет. Такой подход позволяет формировать собственный дискурс и привлекать союзников. Такой подход позволяет длить наше христианское существование на протяжении двадцати веков, причем не за счет буквалистски воспроизводимой формы обряда. Такой подход позволяет всем нам, оставаясь каждому в своей конфессии и юрисдикции (баптистом, пятидесятником, адвентистом, методистом, пресвитерианином, кем-то другим), брать на себя ответственность и за поместную общину, и за Вселенскую Церковь (жить жизнью Вселенской = католической церкви). Такой подход позволяет нам видеть в православных и католиках братьев во Христе.

Итак, через утверждение ценностей происходит преодоление маргинальности при сохранении инаковости. Потому именно ценностный подход должен лечь в основу формирования евангельской идентичности.

⁹ Маргинальность, метафорически, это добровольный плен, это когда «хата с краю», «наш дом за околицей», это выпадение из истории.

3

Открытость знанию

Для современных христиан овладение всем спектром современных знаний является не прихотью, а необходимостью.

Некомпетентность и непрофессионализм уже давно числятся в списке наших основных проблем. И речь идет не только о получении формального образования (хотя и о нем — тоже!), но о способности глубоко понимать суть процессов, происходящих в обществе, и об умении предложить решения на языке, понятном современному человеку. Как иначе окормлять мир в эпоху научно-технического прогресса и экономики, основанной на знании? В противном случае христиане оказываются в обществе либо **мусорщиками**, либо мучениками. Причем, какую именно роль мы сыграем, тоже будет зависеть не от нас, а от политической конъюнктуры. И в том, и в другом случае мы гарантированно оказываемся в положении маргиналов.

Разве третьего не дано? История Церкви показывает, что иной путь возможен. Но он всегда связан с усвоением Церковью того богатства знаний, которое накоплено человечеством, переосмыслением этого богатства в свете евангельских ценностей (фактически, воцерковлением языческой мудрости) и применением этих знаний для созидания и распространения Царства Божьего.

Сегодня нужно делать эту работу снова. А потому так актуален вопрос образования, в самом широком смысле этого слова: от самообразования до создания системы образовательных учреждений, основанных на евангельских ценностях. При этом следует думать об образовании по всем направлениям, поскольку речь идет об усвоении всего спектра знаний. Но первоочередными задачами в этом вопросе можно считать следующие:

- **высшее гуманитарное (в т.ч. философское) образование**, что позволит активно формировать собственный дискурс в общественно-политическом пространстве стран Русского мира;
- **высшее богословское образование**, которое станет основанием для построения российской евангельской богословской школы;
- **высшее управленческое образование**, которое обеспечит евангельское движение (церкви и объединения) современными управленческими кадрами.

Решение этих задач потребует создания для каждого из направлений соответствующего высшего учебного заведения или реализации означенных планов на уже существующих ведущих образовательных площадках.

Но знание, само по себе — надмевает (1 Кор 8:1). Это старый христианский тезис. Поэтому мы не можем обойти вопрос: **Что уравновесит путь знания?**

Н

Нравственная высота

Пожалуй, это — единственный «ремень безопасности» движения.

Необходим высокий нравственный стандарт, прописанный жизнью каждого из участников евангельского движения. Люди верят не словам, а поступкам и образу жизни. Потому что в том, как мы живем, выражаются наши истинные ценности.

Речь идет не о ханжеском бегстве от действительности. Христос не чурался общества грешников, оставаясь при этом святым. Он нарушал многие традиционные запреты, но именно в этом являлась Божья правда. Ибо Господом двигала любовь к человеку, а не соблюдение формы. Нам нужно не прятаться от процессов, уже свершающихся в социальном теле мира и России, но привнести в них реальность Царства Божьего, предложить здоровое основание для них.

И во всех обстоятельствах должен действовать принцип: ***быть живым важнее, чем быть «правильным»!*** Жертва, идентичность, знания, нравственность — таковы должны быть характерные признаки евангельского движения.

Сам характер этих признаков подразумевает, что они находят свое выражение в практической деятельности, иначе они остаются лишь декларацией. Отсюда вытекает основное требование к евангельскому движению: **Евангельское движение должно быть деятельностным!**

Представители подлинной элиты отличаются от обывателей тем, что действуют, согласно закону чести, а не под давлением обстоятельств.

4. Деятельностный подход как базовое условие существования Евангельского движения

Как мы сегодня откликаемся на вечно живой призыв пророка: **сделайте прямыми пути Господу!**? (Ис 40:3) Касается ли этот призыв только наших сердец? Или Его Царство должно иметь вполне конкретное, зримое воплощение, в том числе, уже и в сегодняшней реальности? Вечно оставаясь в созерцательной позиции, мы точно не сможем исполнить Великое Поручение!

Мы призваны быть деятельными, и эта деятельность должна выражаться не только в сфере церковного строительства.

**Царство Божье должно
быть прописано
в культуре и политике
нынешнего дня
жизнью наших современников — носителей этого Царства.**

Чтобы воплотить в жизнь хотя бы некоторые грани Царства Небесного, нам предстоит овладеть проектной культурой — базовой культурой современной эпохи.

Через реализацию больших [общее] христианских проектов мы сможем утвердить в обществе определенные евангельские ценности, и тем самым добиться перемен, которые не достижимы одной только проповедью. Через совместную деятельность

мы сможем затронуть Евангелием сердца и умы тех людей, кто иначе просто не станет нас слушать. Ведь первичное доверие к людям Слова может закладываться в рамках совместной деятельности.

Возможно, что именно публичная деятельность на благо человека и человечества станет в ближайшее время основным способом благовестия!

Однако деятельность таит в себе не только возможности, но и искушения.

Вспомним первое искушение Иисуса в пустыне («преврати камни в хлеб»), что открывало возможность легкого решения человеческих проблем. Многие наши церкви искушаемы массовой всепоглощающей социальной работой. Будем помнить, братья, что наш Господь отверг предложение сатаны, сказав: **не хлебом единым жив человек** (Мф 4:4).

Мы должны избежать опасности завязнуть в социальной работе. Церкви, которая делает социальную работу своим главным фокусом, общество не принявшее Христа быстро укажет ее место, а государство еще и денег на это даст. Будет сделано все, лишь бы евангельские церкви знали свое место, свою клеточку на шахматной доске кесаря.

Пройти через это искушение и не изменить своему предназначению мы сможем только в том случае, если «заказ» на нашу деятельность мы будем принимать не от человека, общества, корпорации, кесаря или уполномоченного государством мужа, а от Господа.

Голос Церкви должен звучать с Небес, а не из отведенной кем-то социальной ниши. Он должен быть слышен каждому, а не только строго определенным (кем-то обозначенным) социальным группам¹⁰.

Наше служение должно быть направлено на человеческие нужды, но его фокусом может быть только Царство Божье, понимаемое как преобразование личности и общества силой Святого Духа. При таком подходе Церковь сумеет удерживать позицию **в мире, но не от мира** (Ин 17:15-16), тем самым исполняя свое пророческое предназначение.

В связи с вышесказанным остается ответить на важнейший вопрос: Какая деятельность может стать выражением евангельского единства при сохранении и даже поощрении многообразия?

¹⁰ В этом смысле идея канонической территории является идеей бюрократической, третьеримской, третьесортной, глубоко чуждой евангельскому Духу, который по-прежнему и во веки веков «дышит, где хочет».

5. Соборность

как форма выражения принципа «единство в многообразии»

Связующей деятельностью евангельского движения является соборная и межсоборная работа. Соборность есть выражение заповеди о **всеобщем священстве**. Господь требует, чтобы каждый «кто Христов» совершал священническое служение Богу и людям, а потому снарядил каждого соответствующими дарами. На практике же большинство христиан либо вовсе не применяют свои дары, либо их положительная и богоугодная деятельность не признается как **священнослужение**: не признается самими верующими, не признается пасторами, не признается начальствующими епископами.

В результате страдает Церковь, поскольку вся тяжесть служения миру ложится на плечи немногих. Страдает мир, поскольку Божье благословение удерживается в узком кругу верных, и не передается людям. Страдает каждый отдельный человек, «кто Господу не служит ежедневно». Слишком много талантов до сих пор «закопано», человеческий капитал не пущен в оборот¹¹.

Подлинное священнодействие необязательно совершается внутри общины верных. Соборность подразумевает, что каждый верующий, независимо от своего духовного сана и даже его наличия, является Христовым священником, посланным в мир, чтобы осуществлять священническое служение через свою деятельность в нем. Врачи, учителя, рок-музыканты, журналисты, бизнесмены, чиновники — это потенциальные Божьи посланники. Их деятельность не всегда связана с существующими церковными структурами, однако, если она направлена на продвижение в общество ценностей Царства Божьего, она должна быть признана подлинным священнослужением. Такое признание позволит Церкви привлечь к реальному и спасительному служению многих, кто в настоящее время стоит в стороне от активной работы по утверждению Царства Божьего. И только в этом случае каждый день в жизни Церкви станет воплощением принципа **соборности**.

Подлинно соборная жизнь Церкви предполагает проведение церковных соборов всех уровней — от поместных и региональных до Всеевангельских. Соборное обсуждение вопросов жизни и служения Церкви сочетает в себе ответ на призыв

¹¹ Переходя на язык современности, констатируем факт: по сути, происходит *декапитализация* народа Божьего. В то же время отметим, не стоит чураться экономических образов, считая язык прибыли и предпринимательского расчета недостойным описанием чуда духовного мира. Сам Христос смело пользовался экономическими образами и аргументами. В истории русской святости убедителен пример Серафима Саровского по чьей молитве Дух стяжался (см. историю с Мотовиловым). Старец использовал образы и словесные обороты из словаря коммерсанта ради разъяснения своим духовным чадам нетленных истин христианской веры.

Господа к деятельному служению и реализацию принципа всеобщего священства, соответствует современным формам совместной работы (коллективного мышления) и позволяет, сохраняя разнообразие, удерживать единство Церкви Христовой. Соборность, таким образом, есть руководство Святого Духа в жизни Церкви, воплощение принципа, сформулированного апостолами еще на Первом (Иерусалимском) Соборе: **«угодно Святому Духу и нам»** (Деян 15:28).

Руководство Духа Святого привносит в церковную жизнь силу Духа, которая позволяет Церкви быть «солью и светом» в этом мире, быть пророческим голосом своего народа, нести в этот мир Евангелие Иисуса Христа. Именно так осуществляется принцип, обсужденный и реализованный на Первом Евангельском Соборе 2010 года: **«В единстве — сила, во многообразии — свобода!»**. Аминь.

Деятельность человека может не быть связана с существующими церковными структурами, однако, если она направлена на продвижение в общество ценностей Царства Божьего, она должна быть признана подлинным священнослужением.

**Межсоборное присутствие
Евангельского Собора**

Лето 2010 по РХ

Межсоборное присутствие

Исполнительный секретарь: Михаил Дубровский

E-mail: evangelical.council@gmail.com

Skype: [evangelical.council](https://www.skype.com/ru/contacts/evangelical.council)

Научно-популярное издание

**Философско-религиозные тетради. Тетрадь №001.
Материалы Первого Евангельского Собора**

Выражаем особую благодарность за поддержку и помощь
в издании настоящего сборника следующим организациям:

Тушинская Евангельская Церковь, г.Москва
Тюменская христианская церковь «Свет миру», г.Тюмень
Церковь «Дом Отца», г.Москва
Церковь Миссия «Благая Весть», г.Санкт-Петербург

Подписано в печать 21.10.2010.
Формат издания 148x210. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,18. Тираж 1 500 экз

Издательство Местной религиозной организации
Евангельских христиан-баптистов «На Руси».
www.evangelicals.ru
E-mail: evangelical.council@gmail.com